

К.Н. Михайлов

**Следствие, прокуратура и
защита в деле Бр. Скицких**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.Н. Михайлов**
Следствие, прокуратура и защита в деле Бр. Скицких / К.Н. Михайлов – М.:
Книга по Требованию, 2017. – 202 с.

ISBN 978-5-518-03081-7

ISBN 978-5-518-03081-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я приношу вниманію публики трудъ мой. Онъ стоилъ мнѣ долгихъ сомнѣній, душевныхъ тревогъ и разочарованій, онъ требовалъ отъ меня упорнаго и постоянного вниманія и напряженія. Онъ не явился плодомъ минутныхъ увлеченій, но результатомъ „ума холодныхъ размышленій и сердца горестныхъ замѣтъ“.

Прежде чѣмъ вынести на судъ публики эту мою работу, я долго проносилъ ее въ глубинѣ моего сердца. Я старался отточить, заострить, освѣтить каждую мысль, каждое положеніе, я старался, насколько мнѣ позволяли мои ограниченныя силы, проникнуть въ такія стороны этого „мнимо-загадочнаго“ дѣла, которыя позволили бы открыть его внутреннія пружины.

Насколько я успѣлъ, — судить не мнѣ. Въ моей работѣ, вѣроятно, найдутся промахи, не замѣтные мнѣ, и потому я почтительнѣйше просилъ бы снисхожденія. Есть положенія, которыя трудно понимать и объяснять. Они или необъяснимы, или требуютъ разнообразныхъ объясненій, что, въ концѣ концовъ, одно и то-же. Никакіе приемы анализа не будутъ въ состояніи расчлениить ихъ на составные элементы, сгруппировать ихъ и подвести подъ болѣе или менѣе вѣроятный радикаль.

Въ этомъ и состояла спеціальная трудность моей работы.

Но, во всякомъ случаѣ, я достаточно указаль, насколько оскудѣло наше провинціальное общество, какъ низменны его интересы и какъ мало развито въ его представителяхъ высокое чувство уваженія къ правосудію, а отсюда гражданское чувство свободы.

Кромѣ того, въ этомъ обществѣ, по мало еще изслѣдованнымъ причинамъ, сплачиваются столь разнообразныя по духу и образованію элементы, что становится трудно понимать его наклонности и интересы.

Я не задаюсь вопросомъ, кому мы обязаны этимъ, но нельзя не констатировать, что въ русскомъ обществѣ совершается какая-то довольно непонятная эволюція: не то смѣна однихъ убѣжденій другими, не то ихъ взаимная борьба, точно такой-то приливъ и отливъ. Мнѣ думается, что тутъ идетъ борьба убѣжденій двухъ направленій — либеральнаго и національнаго, борьба убѣжденій двухъ царствованій.

И быть въ эту пору опредѣленнымъ выразителемъ убѣжденій того или другою направленія значить быть подъ вѣчнымъ артиллерійскимъ огнемъ представителей противоположной партіи.

Нужно лавировать и тутъ, и тамъ. Нужно быть своимъ человѣкомъ повсюду — и тогда только вы будете желаннымъ и терпимымъ.

Бойтесь быть Комаровымъ, личностью оригинальной и опредѣленной! Бойтесь быть честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, такъ какъ васъ все равно забросаютъ

грязью и уничтожать! Бойтесь быть идеалистомъ! Это не хорошо, непрактично!

Покойный Комаровъ, при всей своей неуживчивости, былъ все-таки даровитый человекъ. И зъ него могъ бы выработаться порядочный членъ общества, онъ горѣлъ желаніемъ принести добро людямъ, по мѣрѣ его ограниченныхъ силъ.

Я долго занимался его печальной судьбой, превосходно памятуя, что исторія одного человека есть въ сущности исторія цѣлаго общества. Кромѣ того, я въ немъ вижу исключительную, даровитую личность, твердую въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и погибшую жертвой своего служебнаго долга.

Ему было всего 25 лѣтъ! и, слѣдовательно, его нельзя не пожалѣть! Онъ могъ бы жить! Онъ такъ хотѣлъ жить!

Дѣло бр. Скитскихъ, въ смыслѣ процессуальномъ, заинтересовало меня только потому, что вокругъ него собралось такъ много и бытового, и юридическаго матеріалу.

Что же касается меня лично, то, какъ разрѣшить этотъ вопросъ высшая юстиція, — меня это совсѣмъ не касается. Я высказалъ только свой взглядъ (впрочемъ, взглядъ большинства полтавскихъ обывателей).

Въ процессуальномъ-же отношеніи, это дѣло интересно по приемамъ защиты.

Вы помните дѣло французскаго капитана Дрейфуса! Вы помните мужественную защиту его интересовъ доблестнымъ, хотя обманутымъ Золя! Въ этомъ дѣлѣ защитникъ Дрейфуса, маэстро Лабори, принялъ такую,

довольно остроумную тактику: а) не Дрейфуса оправдывать, а б) обвинять другое лицо въ томъ-же самомъ преступленіи и, такимъ, образомъ, сваливать преступленіе съ больной головы на здоровую.

При такой тактикѣ, невозможна полная реабилитация кліента, но возможно возбужденіе сомнѣній. На почвѣ уже этихъ сомнѣній создаются, путемъ газетнаго репортерства, новыя сомнѣнія, покуда дѣло не приметъ характера общественнаго явленія.

Во Франціи, гдѣ общественная жизнь рѣзко отличается отъ русской, возможно было довести это дѣло до апогея. Подобная іезуитская тактика никогда не спасетъ подсудимаго отъ сомнѣній въ его причастности къ извѣстнаго рода преступнымъ дѣяніямъ, что-то мѣшаетъ вѣрить въ эту его непричастность. Вы можете мнѣ сказать, что Эстергази—мошенникъ, поддѣльватель бордеро, измѣнникъ и т. д., но это еще совсѣмъ не значитъ, что Дрейфусъ не изъ той-же глины, такъ какъ защита не представила ни одного абсолютнаго по своему характеру факта въ защиту своего кліента.

Аптекарскій ученикъ Зеленскій, ходатай по дѣламъ бр. Скитскихъ, видимо, построилъ свой планъ защиты по плану маэстро Лабори. Онъ перенялъ у него все, до малѣйшей подробности: даже имитировалъ его неприличное поведеніе, въ смыслѣ смѣха, улыбокъ, колкихъ, односложныхъ замѣчаній по адресу свидѣтелей, въ смыслѣ развязности манеръ, и т. д., въ залѣ засѣданія суда, за что подвергался замѣчаніямъ предсѣдателя.

Словомъ, защитникъ старался и старается не факты,

абсолютные по своему характеру, представлять въ защиту своихъ кліентовъ, а доказывать параллельное положеніе, что преступленіе совершено другими лицами. Такой способъ покоится на глубоко-вѣрномъ психологическомъ основаніи: — на скептицизмѣ, присущемъ человѣческому уму.

Одинъ сенаторъ, очень популярный въ Россіи юристъ, сказалъ мнѣ по поводу дѣла Дрейфуса и бр. Скитскихъ (очевидно, онъ ихъ отождествляетъ) слѣдующее:

— Если Дрейфусъ не виноватъ, не значитъ еще, что Главный Штабъ виноватъ; если Скитскіе не виновны, не значитъ, что Комарова виновна.

Это—рѣдкій по своемъ глубокомыслію и остроумію афоризмъ! Какъ хочешь, такъ и пойми.

Далѣе въ своей работѣ я поясняю, какая причина заставила меня взяться за это дѣло: 1) съ одной стороны,—мы имѣемъ дѣло, интересное въ бытовомъ и юридическомъ отношеніи, 2) съ другой стороны, — интересенъ вопросъ, имѣемъ-ли мы дѣло съ судебной ошибкой или съ дѣломъ, которому преданъ только характеръ общественнаго явленія. Если во второмъ случаѣ насильно, вопреки представленнымъ защитой и свидѣтелями фактамъ, хотя бы обвинить людей, то тогда мы имѣемъ дѣло съ печальнымъ общественнымъ явленіемъ. Выясненіе этого вопроса также входило въ мою задачу.

Я имѣлъ возможность отнестись къ этому дѣлу совершенно безпристрастно и объективно по той причинѣ, что ни съ той, ни съ другой стороной я не имѣлъ никакихъ личныхъ отношеній и никого не зналъ.

Я пользовался только несомнѣнными документальными данными; на ихъ анализѣ построилъ я свою работу. Я отбросилъ массу фактовъ, массу слуховъ, сплетень, рассказовъ, имѣющихъ нѣкоторую степень достоверности. Я только вносилъ ихъ въ свои тетради; такъ какъ мнѣ, интересующемуся эволюціей общественныхъ настроеній, было трудно пропустить мимо ушей такой интересный бытовой матеріалъ. Я боялся, чтобы корабль, слишкомъ нагруженный балластомъ, не палъ подъ собственной тяжестью. Пусть онъ идетъ по морю легко и свободно, расправивъ свои паруса.

Я отбросилъ даже такой фактъ, какъ инцидентъ частнаго повѣреннаго Баранова съ ходатаемъ бр. Скитскихъ, г. Зеленскимъ, въ присутствіи самого Ст. Скитскаго. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Однажды г. Барановъ вошелъ въ зданіе Земельнаго Банка. Въ залѣ находились только что возвратившійся изъ Петербурга г. Зеленскій и оправданный въ Полтавѣ Ст. Скитскій.

Зеленскій обращается къ Ст. Скитскому и говорить:

— Вотъ, Степанъ Леонтьевичъ, г. Барановъ, который всецѣло стоитъ за обвиненіе.

— И да! стою! и убѣжденъ въ виновности! — сказалъ г. Барановъ.—А вы чего-же насъ морочили! Обѣщали, что привезете изъ Петербурга настоящихъ убійць, обѣщали намъ дать ихъ имена, кричали всѣмъ объ этомъ. А оказалось, все это пустяки! Повторяю вамъ, что до тѣхъ поръ, пока вы не найдете убійць, мы будемъ твердо убѣждены въ виновности Скитскихъ.

И Ст. Скитскій сидѣлъ, глубоко опустивъ голову

и не говоря ни слова. Онъ, оправданный по суду и ни въ чемъ неповинный, не бросился, какъ левъ, на г. Баранова въ защиту своей чести, онъ не постарался его уничтожить, смять и, вообще, проявить какую-либо душевную эмоцію, наконецъ, хоть что-нибудь сказать...

Онъ глухо, глухо молчалъ.

Я даже такимъ фактомъ не воспользовался для полноты перечня психологическихъ уликъ.

Теперь я позволяю себѣ принести свою искреннѣйшую благодарность всѣмъ тѣмъ многочисленнымъ лицамъ, которыя дали мнѣ возможность ориентироваться въ этомъ дѣлѣ. Благодарю моего почтеннаго спутника, г. К., путешествовавшего со мной и въ Терновщину, и въ Яковцы, и на грунтъ Лазарева, и въ монастырскій лѣсъ, и на р. Ворсклу.

Къ своей благодарности я присоединяю еще разъ свою просьбу быть снисходительнымъ къ моему труду ввиду спеціальной трудности дѣла и въ бытовомъ, и въ юридическомъ отношеніи.

Августъ. 1899 г.

г. С.-Петербургъ.

МАТЕРІАЛЫ.

---

1) „Полтавскія Вѣдомости“. 1898—1899 гг. а) Отчеты по дѣлу и б) Письмо г-жи Бородаевой 2 мая 1899 г., въ № 92.

2) „Южный край“. 1898—1899 г.

3) „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Статьи г. Селиванова.

4) „Новое время“.—Отчеты по дѣлу. „Маленькое письмо“ Суворина, статья г. Нефельетониста и корреспонденція г. Ежова изъ Полтавы (Декабрь 1899 г.).

5) „Россія“. Фельетоны г. Дорошевича и редакціонныя статьи.

6) Отчетъ по дѣлу объ убійствѣ секретаря Консistorи А. Я. Комарова (1899 г. Кіевъ).

7) Пр. Патенко.—Дѣло по убійству А. Я. Комарова съ судебно-медицинской стороны.

8) Докт. Михновъ.—Отвѣтъ профессору Патенко. Брошюра. Полтава. Августъ 1899 г.

9) Личный опросъ свидѣтелей и осмотръ мѣстности.

10) Судебная медицина Гофмана (последнее изданіе).

11) Н. В. Муравьевъ.—Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности Москва. 1889 г. Томъ I-ый.

12) О доказательствахъ.—Трактатъ Иереміи Бентама (французскій переводъ).
